

«ВСТРЕЧА КУЛЬТУР» КАК КОНТЕКСТ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЗОНЫ АНАЛИЗА

Современные реалии, обуславливающие особенности становления и бытия человека, – это совокупность находящихся в трансформационном состоянии социокультурных контекстов самого разного рода, включая контексты технологических, информационных, организационных, аксиологических, культурно-смысловых и многих других преобразований. Влияние изменений, радикально и тотально меняющих параметры сегодняшнего мира, на особенности бытования в нем современного человека, является одним из исследовательских «фокусов» для всего блока социально-гуманитарного знания. Многогранность проявлений этих процессов, постоянное приращение проблемных ареалов, требующих изучения (в том числе, и с точки зрения решения вполне практических вопросов), обуславливает множественность векторов исследовательского движения. Среди них, однако, в зависимости от разных факторов, периодически прорисовываются, формируются некоторые доминанты - те тематические проблемные зоны, которые привлекают повышенное внимание теоретиков и практиков. Одной из таких предметных областей, заинтересованность в обсуждении которой обусловлена актуальными социокультурными процессами как в современном обществе в целом, так и в пространстве российского социума, является проблема «встречи культур». Обусловленный множеством экономических, политических, экологических, аксиологических сдвигов в сегодняшнем мире, процесс соприкосновения, взаимодействия разных культурных систем все более интенсифицируется, диверсифицируется, что придает ему форму сложной матрицы, многоярусной и многостолбцовой таблицы социокультурного характера.

Такого рода матрица складывается (и постоянно преобразуется) в современном мире бытия личности независимо от того, хочет она этого

или нет; стали эти процессы предметом рефлексии или они игнорируются (что, как правило, возможно лишь декларативно или иллюзорно. Относимся ли мы к феномену встречи культур с огорчением / раздражением / скепсисом или, напротив, с радостью «распахивая двери» и «прорубая окна», факт остается фактом: сегодняшнее пространство становления личности и ее существования - это та самая глобальная деревня, насквозь продуваемая множеством «культурных ветров», различных по характеру, направленности, силе проникновения...

Обозначенная проблема, существующая в научном пространстве, как известно, давно и устойчиво, в современном мире приобрела, как никогда, остро социальное звучание: и век XX, и унаследовавший многое из него XXI, круто «замесили» вопросы, связанные со встречей и взаимодействием культур. Среди них особое место заняла проблема «своего» и «чужого» - одна из тех «сквозных» тем (и для социальной практики, и для гуманитарного познания), которые не теряют своей остроты и масштабности, независимо от того, какое *нынче тысячелетие на дворе*. Хорошо известная, описанная во многих исследованиях потребность человека (группы, большой общности людей) осознать и отличить себя в безбрежном мире, потребность, явно артикулированная или же лишь смутно свербящая – неизбежно рождает стремление «маркировать» все то, что относится к «своему/своим», и то, что таковым не является.

Известно, что всякая встреча культур - это процесс, приобретающий всякий раз не одинаковые векторы протекания, как и возникающие из этого результирующие. Континуум описанных в теоретической литературе, как и известных нам из реальной социальной практики вариантов такого рода встреч, простирается от позитивно окрашенной интеграции до жесткого, обостренно конфликтного противостояния, переходящего в борьбу «культурных миров». Не ставя в качестве задачи в данной статье проведение сколько-нибудь подробного анализа этого континуума (он достаточно

подробно проанализирован в корпусе исследований, релевантном этой тематике), ограничимся лишь упоминанием о его многообразии как об одном из значимых факторов для понимания того аспекта, который мы хотели бы акцентировать в данном выступлении, - аспекта становления личности в динамично изменяющемся контексте межкультурных взаимодействий. Такого рода процессы делают социокультурное пространство инкультурации личности, ее формирования пространством по своей сути лиминальным, подвижным, в котором поиск и нахождение своей идентичности, своего аксиологического «навигатора» и т.д. не могут протекать однозначно-линейно, заранее и навсегда предустановлено.

Представляется важным, особенно в обозначенном выше аспекте, уточнить понимание встречи культур, которое, как правило, сводится к взаимодействию разных *этнокультур*, что на деле составляет лишь один, хотя и значимый сегмент, этого весьма универсального процесса. Такого рода кардинальное сужение проблемы, имеющей в реальности радикально иные масштабы, связано, несомненно, с рядом объективных обстоятельств - в частности, с тем, что именно в этнокультурном пространстве сконцентрировались и особая *социальная острота* проявлений рассматриваемой проблемы, и исторически фиксированная устойчивость этих проявлений, вновь и вновь возвращающая человечество (не только ученое) к проблеме «свой-чужой», и прогнозируемые перспективы возрастания значимости этой проблемы в условиях глобализации именно в связи с вопросами сохранения этнокультурной идентичности, усложнения процесса этнокультурных взаимодействий и т.п.

Однако, даже с учетом всех этих обстоятельств, очевидно, что сфера тех реальных социокультурных практик, в которых вопрос о разделении/неразделении на «своего – чужого» имеет не периферийный статус, не тождественна области этнической. Подобно возможному систематизирующему анализу концептуальных подходов к рассматриваемой пробле-

ме, вероятно, в определенных аспектах не безынтересен и подобный анализ применительно к основным сферам социокультурных практик, в каждой из которых соотношение/сопряжение «своего» и «чужого» имеет, несомненно, свои особенности и артикуляцию. Такого рода самая общая типология может быть построена, к примеру, исходя из особенностей проявления данной бинарности в структуре различных типов деятельности, демаркированных по характеру целевых ориентиров, лежащих в основе каждого из блоков, например, таких, как *организационно-управленческий; жизнеобеспечивающий* (хозяйственно-предпринимательская, экологическая, здравоохранительная и иные социокультурные практики); *коммуникативная* (включая все поле информационных практик, межкультурных взаимодействий и пр.); *социализирующие* и инкультурационные практики (как на обыденном, так и на специализированном уровнях реализации); *креативные* практики (включая все виды творчества – художественного, научного, инновативности в обществе и пр.); *досугово-рекреативные* виды деятельности.

Осознавая несомненную условность такого рода деления (как и всякой систематизации), отметим все же, что сама возможность выделить, применительно к каждому из указанных видов деятельности, специфику субъектов взаимодействия и групп их интересов, особенности предмета взаимодействия, характер восприятия и оценки «другого» в структуре каждого из вида практик и ряд других типологических особенностей, позволяет, как нам представляется, в последующем выстроить более систематически организованное представление о формах и «жанрах» объективизации в социокультурном пространстве.

Сложная культурная / субкультурная палитра пространства становления личности делает не менее значимым (для более адекватного, глубокого понимания процессов социализации и инкультурации) и характер встречи, например, возрастных и гендерных культур; социально-территориальных

(мегаполис-город-село) и профессиональных культур; конфессиональных и экологических культур; художественно-креативных и технократических культур и т.д. Возможно, столь расширительное толкование вопроса о встрече культур и их носителей может показаться, на первый взгляд, избыточным для исследовательских процедур. Однако, реалии современного мира, когда, скажем, молодые поколения самых разных этнокультур бытийствуют в одном и том же сетевом пространстве, используют аналогичные, связанные с виртуальным миром, системы кодирования / декодирования и т.п., могут обуславливать смещение в периферийное пространство как раз вопроса о противоречиях в этнокультурных взаимодействиях при акцентировке вопроса о встрече / сложностях / противостоянии в коммуникативных ситуациях, связанных с особенностями поколенческих культур.

Многообразие методологий и аналитических версий изучения вопросов встречи культур, как и разнообразие тех смысловых интерпретаций, которыми «обрастает» социальный факт (событие, процесс и пр.), так или иначе связанный с разделенностью пространства бытия человека на «свое» и «чужое», дают основание говорить (как ни банально это звучит) о *многомерности* самой этой проблемы, о существовании своего рода «горизонталей» и «вертикалей» при ее рассмотрении. Очевидно, что формирование и позиционирование проблемных полей, так или иначе связанных с вопросом о «своем» и «чужом» в культуре, происходит как в рамках развертывания собственно *логики* гуманитарного знания, так и под влиянием того, что можно обозначить как фактор *социальной востребованности* данного знания. В последнем случае, именно реальные процессы встречи, соприкосновения или же столкновения «своего» и «чужого», ситуации их взаимопроникновения или кризисного противостояния, стимулируют практику научного осмысления этих процессов, конституирование соответствующих блоков знания.

Построение «матрицы» проблемных полей, складывающихся под влиянием обеих групп факторов, может осуществляться по различным основаниям и критериям, в том числе, в зависимости от характера задач, теоретических ориентацией и социальных интенций и т.п. Если же выделить самые общие из такого рода оснований, которые могут стать отправной точкой для группировки сложившихся в науке подходов в изучении проблемы «своего» и «чужого» в культуре, то мы должны будем, как минимум, маркировать эти подходы:

а) в зависимости от их места в сложившейся *научно-дисциплинарной* структуре;

б) в соответствии с особенностями *методологической парадигмы*, лежащей в основании той или иной конкретной версии самой постановки, развертывания и решения вопроса о соотношении «своего» и «чужого».

В первом измерении (а), мы имеем дело с сопредельными, сопряженными, но все-таки достаточно четко различающимися между собою в гуманитарном пространстве (несмотря ни на какой постмодернизм) философскими, этнологическими, психологическими, культурологическими, историческими, лингвистическими «версиями» анализа и интерпретации проблемы «своего» и «чужого». Очевидно, что присутствуя, в той или иной степени, в каждом из научно-дисциплинарных полей системы социально-гуманитарного знания, представленность данной проблемы в разных блоках может существенно различаться по своей значимости, «удельному весу» среди других проблем, по степени разработанности и т.п. Представляется, что сам по себе анализ такого рода распределения мог бы быть достаточно интересным, с точки зрения более полного и рельефного представления ситуации, сложившейся на уровне научно-теоретического осмысления вопроса о «своем» и «чужом» в культуре.

Что касается второго измерения (б), то оно соотносится уже не с особенностями научно-дисциплинарного деления в целом, а со специфи-

кой тех *методологических принципов*, которые выступают как дифференцирующее начало *внутри* каждой дисциплинарной ячейки (философской, исторической, психологической и др.). Своего рода маркером в этом смысле выступает ориентация на позитивистскую, феноменологическую, психоаналитическую или иную методологическую парадигму (каждая из которых представлена, как правило, если не во всех дисциплинарных ячейках, то во многих из них). Принятая исследователем та или иная базовая методологическая позиция (хотя и не всегда эксплицитно декларируемая), во многом, несомненно, определяет особенности всего процесса анализа проблемы «свое» и «чужое», придает ему не общее лица научного выраженья.

Таким образом, исходя, как минимум, хотя бы из двух этих позиций, очевидны факторы той полифоничности, которая отличает матрицу социально-гуманитарных версий, сложившихся в теоретическом осмыслении вопроса о бытовании «своего» и «чужого» в мире сегодняшнем и вчерашнем. Как уже отмечалось выше, эта ситуация, естественно, - не только производная от многообразия векторов развития самого социально-гуманитарного знания, но и своего рода проекцией в теоретическое пространство той разножанровости (и по форме, и по сути), которая отличает бытование этой проблемы в реальном социокультурном пространстве, ее объективизацию в структуре многообразных социокультурных практик. Признание культуры не «сегментарным», локализованным явлением, а, прежде всего, системой норм, ценностей, образцов, которые регулируют, определяют направленность *любой формы* человеческой деятельности, лежат в основе ее *о-смысления* и оценки, которые символически явлены в результатах *любой* из социальных практик человека (а не только "возвышенного" творчества, хотя и его тоже) - такой подход определяет и достаточно широкий контекст рассмотрения вопроса «свое/чужое в культуре», а

стало быть, и многовекторность анализа проблемы становления и существования личности в условиях встречи культур в современном мире.